

«нечто помимо самого поэта попадает в его речь» («etwas jenseits des Dichters ins Wort fällt»),⁵⁸

Когда Поплавский постулирует в своем тексте «О субстанциональности личности», с которого мы начали наш разбор, что главное в человеке — это имперсональная основа его личности (человек как «теплое, мягкое, восковое зеркало, отражающее, воплощающее что угодно», — 3, 453), не толкует ли он о чем-то схожем? В поэтической перспективе «что угодно» — это и есть то «нечто», что попадает в речь поэта из речи других, вневременных «друзей»: Гомера, Пиндара и Софокла у Гёльдерлина; Тютчева, Рембо, Розанова⁵⁹ и того же Гёльдерлина у Поплавского.

Как указывает М. Хайдеггер, ссылаясь на «Хлеб и вино», «только после обретения опыта чужого и овладения своим — в историческом единстве их сущности, — только тогда становятся зрелыми плоды Гесперий».⁶⁰ Действительно, «хлеб и вино» — это те субстанции, в которых соединяются, как собственно и говорит Поплавский в статье «О субстанциональности личности», «солнечный жар» греческих празднеств и «холод высот» мрачной христианской мистики. Этот синтез Пана (Диониса) и Христа и лежит в основе райского «Царства друзей».⁶¹ Во всяком случае, именно так хотелось думать Поплавскому осенью 1935 года.

⁵⁸ Мы предпочитаем воспользоваться здесь переводом А. Глазовой. В переводе Н. М. Берновской фраза звучит так: «...нечто находящееся по ту сторону поэта перебивает ход произведения» (*Беньямин В.* «Избирательное сродство» Гете // Беньямин В. Озарения. С. 106).

⁵⁹ «Ибо как часто мечтал я быть другом Тютчева, Рембо или Розанова», — пишет Поплавский в статье «Среди сомнений и очевидностей» (3, 112).

⁶⁰ *Хайдеггер М.* «Воспоминание» // Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / Пер. с нем. Г. Ноткина. СПб., 2003. С. 239 (статья впервые опубликована в 1943 году).

⁶¹ См.: «Последняя строфа элегии («Хлеб и вино». — Д. Т.) воспеваает Диониса как примирителя, который обеспечивает единство разделенного, Верхнего и Нижнего, Света и Тьмы. В этом качестве миротворца он приравнивается к Христу, к „Сыну Всевышнего“, который в ночь мира после угасания греческого дня спускается во мрак с „факелом“» (*Гвардини Р.* Гёльдерлин. Картина мира и боговдохновенность / Пер. с нем. А. В. Перцева. СПб., 2015. С. 393; работа опубликована в 1939 году).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-210-214

© К. С. Корконосенко

РУССКИЕ ПЕРСОНАЖИ В ТВОРЧЕСТВЕ РАМОНА ДЕЛЬ ВАЛЬЕ-ИНКЛАНА

Когда исследователи русско-испанских взаимосвязей обращаются к творчеству Рамона дель Валье-Инклана (1866–1936), в первую очередь пишут о связи его трилогии о Карлистской войне в Испании¹ с «Войной и миром» Л. Н. Толстого. Об этом порусски писали такие авторы, как И. А. Тертерян, З. И. Плавский, В. Е. Багно.²

Но в позднем творчестве Валье-Инклана есть как минимум два произведения, где представлены русские персонажи, которые интересны автору именно как русские; больше того, они описаны как реально существовавшие исторические деятели, в свое время побывавшие в Испании. Об их появлении в творчестве испанского писателя

¹ «La guerra carlista»: «Los cruzados de la Causa» (1908); «El resplandor de la hoguera» (1909); «Gerifaltes de antaño» (1909).

² См.: *Тертерян И. А.* Испытание историей. М., 1973. С. 168–173; *Плавский З. И.* Испанская литература XIX–XX веков. М., 1982. С. 79–81; *Багно В. Е.* Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л., 1982. С. 138. См. также: *Корконосенко К. С.* Толстой, Достоевский и «поколение 98 года» в Испании // Толстой или Достоевский? Идеино-эстетические искания в литературах Востока и Запада. СПб., 2003. С. 134–136.

коротко упоминает в своей книге «Испытание историей» И. А. Тертерян.³ А вот на вопрос, как зовут этих русских, ответить сложнее.

Дело в том, что роман «Выигрыш шпага» («Baza de espadas»), третий из цикла «Арена иберийского цирка» («El ruedo ibérico»), не был завершен, но отдельные его фрагменты при жизни автора публиковались в испанской периодике.

В ноябре 1929 года Валье-Инклан напечатал в журнальной серии «Роман сегодня» («La novela de hoy») произведение под заглавием «Otra castiza de Samaria (Estampas Isabelinas)» — на русский язык это можно перевести как «Еще одна истинная самаритянка (Зарисовки времен королевы Изабеллы)». ⁴ А в июле 1932 года в нескольких номерах газеты «Эль Соль» был помещен другой вариант, «Открытое море» («Alta mar»). Он же был посчитан окончательным и при книжной публикации «Выигрыша шпага» в 1958 году.

В обоих вариантах (которые можно воспринимать как отдельную часть большого романа, входящего в задуманный Валье-Инкланом романский цикл) русский персонаж играет ключевую роль, вокруг него строится действие, писатель несколько раз дает его портрет, его характеризуют другие персонажи романа, он участвует в беседах и произносит речи — вот только зовут его по-разному. В «Самаритянке» это Петр Кропоткин, а в «Открытом море» — Михаил Бакунин.

Валье-Инклан хотел сделать героем своего романа об испанской революции 1868 года русского революционера, анархиста, хорошо известного в Испании, оказавшего влияние на формирование испанского анархизма — и для него не имело принципиального значения, кого именно выбрать: на эту роль в романе с одинаковым успехом годились оба. Так же нерелевантно было и то обстоятельство, что в 1868 году ни Кропоткин, ни Бакунин в Испании не появлялись (Бакунин в Испании никогда не бывал, а Кропоткин провел там полтора месяца только в 1877 году).

Речь, в сущности, идет об одной и той же фигуре-символе;⁵ высокий рост и густая борода протагонистов дали Валье-Инклану возможность описывать своего русского героя одними и теми же словами. Ср., например:

Otra castiza de Samaria	Alta mar
El príncipe Pedro Kropotkin iluminaba el nuevo alojamiento con su ancha sonrisa barbuda, de apóstol eslavo. Los ojos, en una mirada clara, de una jovialidad campesina, no mostraban asombro, y su expresión podía ser de amorosa confianza en la caridad de los hombres. ⁶	El Maestro iluminaba el nuevo alojamiento con su ancha sonrisa barbuda de apóstol eslavo. Los ojos claros, de una jovialidad campesina, no mostraban asombro, y su expresión podía ser de amorosa confianza en la caridad de los hombres. ⁷
Князь Петр Кропоткин озарял свое новое жилище широкой бородатой улыбкой славянского апостола. Во взгляде его ясных глаз, исполненных крестьянской жизнера-	Мастер озарял свое новое жилище широкой бородатой улыбкой славянского апостола. В его ясных глазах, исполненных крестьянской жизнерадостности, не было

³ «Валье-Инклан придерживается точной исторической конкретности — недаром портрет Бакунина и сопровождающих его анархистских эмиссаров кажется подсказанным статьей Энгельса „Бакунисты за работой“»; «...весь эпизод с бакунистами, вся возвышенная фразеология и историческая безответственность Бакунина, сектантский фанатизм его сподвижников, их беспечность и практическая неприспособленность просветлены образом Фермина Сальвочеа» (Тертерян И. А. Испытание историей. С. 212, 213).

⁴ Иллюстрации к этому изданию выполнил знаменитый художник и график Рамон Пуйоль Роман (1907–1981). Портрет Петра Кропоткина см.: Valle-Inclán R. del. Otra castiza de Samaria (Estampas Isabelinas) // La novela de hoy (Madrid). 1929. № 392 (15 de noviembre). P. 30.

⁵ «Масштаб, который приобретает в романе фигура Бакунина, можно считать метафорическим отражением колоссальной популярности бакунинских идей в Испании» (Schivano L. Sobre la génesis de *El ruedo ibérico*: «Otra castiza de Samaria» // Nueva revista de filología hispánica. 1976. № 25. P. 307). Здесь и далее перевод мой. — К. К.

⁶ Valle-Inclán R. del. Otra castiza de Samaria (Estampas Isabelinas). P. 10.

⁷ Valle-Inclán R. del. Baza de espadas. Barcelona, 1958. P. 102. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

достоинств, не было никакого удивления, лицо его как будто выражало любовную уверенность в людском добросердечии.	никакого удивления, лицо его как будто выражало любовную уверенность в людском добросердечии.
La ancha y barbuda sonrisa del Maestro, la frente calva, morena, luminosa, los claros ojos inocentes como dos berzas, producían una emoción religiosa en el compañero Salvochea. ⁸	La ancha y barbuda sonrisa, la frente calva, los claros ojos, inocentes como dos berzas, producían una emoción religiosa en el Compañero Salvochea (p. 103).
Широкая бородатая улыбка Мастера, его смуглый блестящий лоб, ошарашенный взгляд его ясных наивных глаз — все пробуждало в товарище Сальвочеа религиозный восторг.	Эта широкая бородатая улыбка, этот блестящий лоб, ошарашенный взгляд этих ясных наивных глаз — все пробуждало в Товарище Сальвочеа религиозный восторг.

Поэтому в дальнейшем я буду вести речь о едином персонаже, русском анархисте, которого пылкие сторонники (вслед за более скептическим автором) называют Мастер или Апостол. Все действие этой части романа происходит на корабле, вышедшем из Кадиса и находящемся в открытом море; Апостол отправляется в лондонскую ссылку, почти не имея денег. На корабле, волею автора, собрались революционеры и авантюристы самого разного толка — многие из них тоже имеют реальных прототипов, но их характеры и жизненные обстоятельства переосмыслены Валье-Инкланом; с ними русский анархист и ведет свои беседы. В «Открытом море» таких разговоров больше, чем в «Самаритянке» — просто потому, что этот позднейший вариант объемнее, хотя и написан на основе предыдущего; Бакунин даже произносит речи, в которых угадываются фрагменты из его работ. В «Открытом море» есть, например, такой эпизод: Бакунин улыбается в бороду, потому что слова капитана корабля, старого анархиста, о борьбе с индивидуальной моралью как будто повторяют его собственные формулировки из «Революционного катехизиса».

Первую характеристику русскому дает его восторженный поклонник, знаменитый анархист Фермин Сальвочеа (исторический Сальвочеа на рубеже веков переводил и публиковал статьи Кропоткина в газете города Кадис «Эль Сосиализмо» («El Socialismo»)). Фермин сразу же называет своего товарища Апостолом народа, и в дальнейшем религиозная доминанта в образе русского анархиста будет утверждаться последовательно и даже несколько назойливо.

В «Самаритянке» слова «апостол» и «апостольский» используются пять раз по отношению к Кропоткину и еще один раз так характеризуется Сальвочеа, который по сути и является апостолом Апостола. Иногда «апостол» пишется с прописной буквы, иногда со строчной — системы в этом нет. В «Открытом море», где Бакунин появляется чаще, — соотношение двадцать один к одному. Самого Фермина Сальвочеа другие персонажи часто называют святым, но при этом уточняют: «святой без желчи» — т. е. безобидный, незлобивый, беззащитный. Валье-Инклан подхватывает титулование Фермина — но временами, ситуативно, пользуется им в сниженно-ироническом ключе.

Конечно же, испанский писатель не первым назвал Бакунина апостолом; это определение закрепилось за русским анархистом и в русской, и в европейских национальных традициях. В статье 1906 года, посвященной Бакунину, «апостолом анархии» его назвал, например, Александр Блок.⁹ Каким же апостолом является двуликий герой Валье-Инклана? За исключением простого «апостол» или «бородатый апостол» он именуется:

- апостол народа;
- славянский апостол (это больше относится к внешности);
- апостол анархистской религии;
- апостол социальной революции;
- апостол мировой революции.

Последняя характеристика чаще употребляется в ироническом ключе: «Апостол мировой революции поднес палец к губам: — Потихе. Здесь нас слишком хорошо

⁸ Valle-Inclán R. *del. Otra castiza de Samaria*. P. 12.

⁹ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2003. Т. 7. С. 40.

слышно» (р. 122); «Суматоха, поднятая троицей конспираторов, разбудила апостола мировой революции, который хорошенько угостился из бутылки с коньяком и устроил себе сиесту, уронив голову на стол» (р. 160); «Революционеры слушали апостола мировой революции. Отблески пламенеющего пунша искажали лица собравшихся и беззубый рот бородатого великана, который наставлял:

— Шведы используют черешневую водку, а мы здесь заменили ее ямайским ромом. Вместо рома мы могли бы взять орухо, он больше напоминает кирш. Как бы то ни было, надеюсь, что на вкус будет неплохо» (р. 185).

В «Самаритянке» Кропоткин назван «романским святым»; в той же фразе «Открытого моря» он — «романтический святой». По-испански разница в одной букве («*románico*» и «*romántico*»); повторение эпитета «романский» в другом фрагменте «Открытого моря» позволяет вести речь об опечатке. Русский анархист для Валье-Инклана — все-таки романский, крестьянский великан с детским сознанием, наивным и утопическим (все эти черты тоже прямо заявлены в обоих текстах).

Фермин Сальвочча называет его Святым Павлом; однажды в тексте упоминаются его «густые брови евангелиста»; в другом эпизоде приверженцы Апостола завели в дальнем конце коридора «революционную литанию» (р. 108).

Русский анархист неслучайно именуется Мастером — в контексте романа это его масонское звание. Причем среди революционеров он не единственный масон; масонские треугольники и тайные обряды встречаются в тексте неоднократно: «Затем князь Кропоткин открыл дверь остальным и все скрепили братские обязательства объятьями, охваченные тайным восторгом посвященных в ритуал Треугольника» (р. 107). Даже попойка революционеров проходит в соответствии с обрядом: «Когда пламя на поверхности потухло, бородатый великан наполнил рюмки и собратья воздали должное шведскому пуншу, приветствуя друг друга символическим масонским ритуалом» (р. 185).

В отличие от «Самаритянки», в более позднем тексте рядом с Апостолом на корабле находится еще один русский персонаж — его полное имя *Arsenio Petrovich Gleboff*, однако сам Бакунин, направляющийся в Лондон, предпочитает называть его *Boy*. Глебов представляет собой совершенно иную ипостась русского революционера: «В столовую заглянул хмурый тщедушный растрепанный парнишка с подозрительными глазами под насупленными бровями цвета охры — лицо было как калмыцкая маска» (р. 86).

В коротком фрагменте «Открытое море» слово «*mozalbeta*» (его можно перевести как «парнишка») употребляется шесть раз, и всегда применительно к Глебову. А калмыком Валье-Инклан называет его чаще, чем по фамилии или по прозвищу — двадцать один раз.

Авторитетная исследовательница творчества Валье-Инклана Леда Скьяво установила, что прототипом Глебова в «Открытом море» является знаменитый революционер-активист Сергей Геннадьевич Нечаев, за полвека до написания «Выигрыша шпага» послуживший прототипом Петра Верховенского в романе Достоевского «Бесы».¹⁰ В 1868 году Нечаеву был 21 год и он еще не успел эмигрировать из России. Широко известен его фотопортрет этого периода.¹¹

Испанский автор ничего не пишет о бороде Боя, но можно предположить, что ему была знакома и другая фотография,¹² по которой было сделано следующее описание: «Калмыцкая маска приобрела выражение яростной жестокости, рот искривился саркастической усмешкой, спутанные волосы цвета бычьей кожи падали ему на лоб и лезли в глаза, которые от этого слегка косили» (р. 79).

Именно этот персонаж вводит мотив детскости сознания Бакунина и первым говорит о необходимости его опекать и делать за него грязную работу: «Мастер — это гигантский ребенок, и все мы, кто его любит, хоть как-то ему помогаем, когда пачкаем руки в крови, устраняя тернии с его пути. Как бы вы обращались с ребенком? Мастер — ребенок, и он нуждается в опекунах» (р. 78).

¹⁰ Schiavo L. Sobre la génesis de *El ruedo ibérico*: «Otra castiza de Samaria». P. 305.

¹¹ См., например: Лурье Ф. М. Нечаев: Созидатель разрушения. М., 2001. Фото на обложке и на с. 3.

¹² См., например: Там же. С. 160.

В сюжете «Открытого моря» Бой не играет существенной роли, но Валье-Инклан уделяет много внимания его калмыцкой внешности и противоречивому характеру; по-видимому, писателя интересовал сам по себе тип жестокого революционера: «Арсений Петрович Глебов, этот неказистый парнишка со сверкающими глазами, порывистый в движениях, обладал душою отравленной и героической. То был маньяк всемирного разрушения, необычайно аскетичный в привычках, жестокий к самому себе и к другим; интриган в силу своих убеждений, строптивец в силу темперамента, способный переносить величайшие лишения, питаться черствыми корками и спать на камне — этот человек абсолютного отрицания и кальвинистской сухости любил и ненавидел Учителя» (р. 79).

Подтверждением тому, что Валье-Инклан ориентировался на реально существовавшего Нечаева, создателя «Катехизиса революционера», служит буквальное повторение в романе характеристики, которую Бакунин дал Нечаеву в известном письме к Альфреду Таландые. «Апостол мировой революции» у Валье-Инклана только говорит по-испански (а не пишет по-французски) и переставляет местами предложения, но в целом мы имеем дело с переводом строк Бакунина на испанский язык: «Когда надо служить тому, что он называет делом, он не колеблется и не останавливается ни перед чем и показывается так же беспощадным к себе, как и ко всем другим. Вот главное качество, которое привлекло меня и долго побуждало меня искать его сообщества... Это фанатик, преданный, но в то же время фанатик очень опасный и сообщничество с которым может быть только гибелью для всех... способ действия его отвратительный. <...> Во имя дела он должен завладеть вашей личностью, без вашего ведома. Для этого он будет вас шпионить и постарается овладеть всеми вашими секретами и для этого, в вашем отсутствии, оставшись один в вашей комнате, он откроеет все ваши ящики, прочтает всю вашу корреспонденцию, и когда какое-либо письмо покажется ему интересным, т. е. компрометирующим с какой бы то ни было точки, для вас или одного из ваших друзей, он его украдет и спрячет старательно, как документ против вас или вашего друга. <...> Если вы его представите вашему приятелю, первую его заботу станет посеять между вами несогласие, дразни, интриги, — словом, посорить вас. Если ваш приятель имеет жену, дочь, — он постарается ее соблазнить, сделать ей дитя, чтобы вырвать ее из пределов официальной морали и чтобы бросить ее в вынужденный революционный протест против общества».¹³

Отношения с Боем помогают высветить и другие качества Бакунина: его добродушие, совестливость, непоследовательность, склонность к самообману и всепрощению. Сразу же по произнесении этой инвективы (привнесенной в ткань романа извне и поэтому, как представляется, избыточной) Апостол раскаивается в своих словах и чувствует внутреннюю потребность примириться с Боем: «Мастер в шутку потянул его за вихры. Этот голубоглазый великан даже не сознавал, насколько комично его поведение: неспособный долго злиться, непостоянный и противоречивый, он чувствовал смутные угрызения совести за резкость суждений о своем ученике. Выплеснув всю желчь своего гнева, он снова убеждал себя, что любит Боя. Учитель прикрывал свои сомнения, таская его за волосы» (р. 86).

Рамон Мария дель Валье-Инклан умер в 1936 году, не успев завершить, связать в единое целое свою масштабную эпопею. Русские персонажи появляются только в одном из написанных эпизодов «Арены иберийского цирка», хотя тема анархизма, в его испанском, во многом бакунинском изводе,¹⁴ возникает и в других частях «Арены». Сопоставительное чтение показывает, что текст эпизода на корабле между публикацией «Самаритянки» и «Открытого моря» подвергся не только расширению, но и серьезной стилистической правке, и мы не знаем, какими бы предстали русские революционеры, если бы Валье-Инклан закончил свой романский цикл. Зато нам известно, какими писатель видел их в 1929 и 1932 годах.

¹³ Письмо М. Бакунина к А. Таландые (24 июля 1870) / Пер. с фр. М. П. Драгоманова // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 393–395.

¹⁴ Исторический обзор см.: Федоров А. Ю. М. А. Бакунин и становление анархизма в Испании // Человек из трех столетий (Прямухинские чтения — 2014, международная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения М. А. Бакунина). М., 2015. С. 359–381.